

Мы дружны несколько лет, а потому при каждой встрече позволяем себе несколько вольный разговор. И хотя подчас беседы наши носят слегка юмористический оттенок, суть от того не меняется: просто крупнейшее достижение современной науки, на мой взгляд, представляется более рельефным, образным.

И нынешний наш разговор с Алексеем Розановым я начал с каверзного, как мне казалось, вопроса. Однако ученый ответил мне совершенно серьезно. Я спросил:

- Все в нашей Академии утверждают, что ваш институт – самое авторитетное научное учреждение в мире. Вы можете возразить?

- Не могу и не буду!

- Почему же?

- Если иметь в виду палеонтологию, то подобное утверждение справедливо.

- Не преувеличиваете?

- А какой смысл?! У любого специалиста поинтересуйтесь – и он подтвердит, что хороших институтов много, но ПИН РАН (так нас именуют сокращенно) самый авторитетный. Недавно у нас работала комиссия Академии наук. Она во всех институтах РАН побывала – в связи с реформированием науки. Закончили они свою работу, пришли в этот кабинет. Спрашиваю: «Что делать мне? Что порекомендуете?» Ждал, что сейчас они мне гору работы набросают. А председатель комиссии говорит: «Замечаний нет, продолжайте так же, как и раньше!» Сначала я удивился, а теперь рассказываю об этой комиссии с чувством гордости. Впрочем, думаю, это не помешает чиновникам предложить мне сократить численность сотрудников – по-моему, только в этом и заключается весь смысл реформ, идущих в науке. А делать-то нужно все иначе...

- Как?

- Смотреть на то, чем занимаются ученые. Если дело у них полезное, то ни средств, ни штатов жалеть не надо. Формализм в науке столь же опасен, как и в искусстве. Как и в любом творчестве.

- Но тогда ваше открытие могло бы не состояться...

- Это почему же?

- Уж слишком фантастической казалась ваша работа. Да и сейчас кажется!

- Это верно. Но истина в науке обязательно найдет свой путь, она пробьется сквозь предрассудки – остановить ее нельзя.

- Начем все-таки с другого, чтобы лучше понять суть открытия. Можете вы объяснить удивительное явление: нет в обществе никакого интереса ни к ядерной энергии, ни к космическим полетам, но стоит произнести слово «динозавры» - и сразу же на лицах появляются улыбки. Что происходит с психикой человеческой?

- Я сказал бы так: русский человек слишком долго думает, чтобы что-то предпринимать... Весь мир динозаврами интересуется давно.

- До нас очень долго доходит?

- У нас на динозавров начали обращать внимание совсем недавно. Я имею в виду, конечно, не ученых, а широкую публику. мода пришла к нам позже, чем в других странах, но раньше, чем в Европе.

- Почему?

- Тут есть одна особенность: в смутное время интерес к загадочным и необычным явлениям повышается. А мы живем в эпоху демонизма, шаманизма, паранауки. Я не хочу сказать, что динозавры – это лженаука, но для человека, не занимающегося палеонтологией, они из той же области.

- Загадочно и интересно?

- Для меня динозавры особого интереса не представляют. Они «молоденькие» с точки зрения того, чем я занимаюсь... Слава им, конечно же, дал кинематограф. Хотя когда человек приходит к нам в музей, то размеры скелетов динозавров, представленных в изобилии, впечатляют... Те же мамонты менее поражают детское, к примеру, воображение – ребенок видел слона в зоопарке. А вот в Японии мамонты пользуются бешеным успехом, потому что для ребятяшек они необычны. Если мы привезем мамонтов в Австралию, вокруг них будет

Почти разгадана одна из самых главных тайн нашей цивилизации. Та самая загадка, которая начала мучить человека, едва он взял палку в руки и распрямился – то есть стал «существом разумным». Поднявшись во главу всего живого мира, человек начал задавать себе тот самый вопрос, который никогда не интересовал динозавра и мышью, волка и птеродактиля. И этот вопрос звучит так: «Когда и где началась жизнь, венцом которой я стал?» Многие тысячелетия ответа не было. Он появился только в наши дни. И ответить на него смогли ученые двух стран – России и Америки. Много лет они работают вместе. Связывает их, конечно же, сначала признак успеха, а затем одно из крупнейших открытий в современной науке. Нашу группу исследователей возглавляет директор Института палеонтологии Российской академии наук, член-корреспондент РАН Алексей Юрьевич РОЗАНОВ.

Член-корреспондент РАН Алексей РОЗАНОВ:

«МЫ ИЩЕМ ЖИЗНЬ ВО ВСЕЛЕННОЙ. И НАШЛИ ЕЕ!»

страшный бум – ведь они видели этих животных только на картинках.

- Может быть, и у нас интерес был бы еще больше, если бы о вас больше знали?

- Конечно! Мы хотели бы, чтобы наш музей пользовался популярностью, как говорится, среди широких слоев населения, но чисто технические не сможем справиться с потоками любознательных, если вдруг станет модным к нам ходить... Впрочем, музей расположен в одном из красивейших уголков Москвы. Здесь можно хорошо отдохнуть и одновременно соприкоснуться с палеонтологией. Мне кажется, интерес к ней в России будет постепенно нарастать, и к этому следует быть готовым.

- В мире есть палеонтологические музеи...

- Их очень много!
- Какое место в этой цепочке занимает ваш музей? Музеи в Вашингтоне и Лондоне, с которыми вы в одном ряду, являются национальным достоянием, они живут безбедно. А как же вы?

- И хорошо, и плохо. Американские стандарты иные, чем у нас. А потому те люди, которые не пожили в Америке, живут у нас относительно нормально. Это первое.

- Это относится к первому или второму?

- Первому. То есть к положительному. Сталин по-своему был прав, когда организовывал «железный занавес». Люди догадывались, что там жизнь получится. Однако догадка – одно, а знание – совершенно другое... В чем еще хорошо? В палеонтологии вообще-то нормальные люди не идут. Психика человека, занимающегося чистой палеонтологией, далека от нормы. И она позволяет людям не замечать той ненормальной обстановки, что складывается за пределами этих стен... Людей, которые работают за копейки и ни о чем другом, кроме своей науки, не думают, довольно большой процент. Палеонтология

как наука на том и держится!.. Если вы ознакомитесь со всеми институтами, аналогичными нашему, то вскоре убедитесь, что состояние дел в них весьма пристойное. Кадры не разбегаются – ни в заграничку, ни в «челноки» – и работают за копейки весьма плодотворно. Очень трудные 90-е годы выявили интересную закономерность: научная продуктивность не снизилась. Количество монографий, статей такое же, как раньше.

- Значит, вы стоите «над» действительностью?

- В какой-то степени – да!.. Институты Академии наук лишились своих сотрудников именно потому, что среди них недостаточно «сумасшедших». Вы понимаете, что я имею в виду...

- Наверное, лучше сказать «фанатики»?

- Это сути не меняет...
- Итак, «хорошее» мы определили. А что «плохо»?

- Все, что есть плохого в государстве, отражается на нас. Зарплата чудовищно низкая. Бюджет института предусматривает только деньги на зарплату и приблизительно

ума даже в нашем музее не были, а что говорить о других, менее именитых?! и тогда уже определять судьбу каждого, потому что, честно говоря, я не представляю себе, какими соображениями они пользуются, выделяя на академические музеи те или иные суммы...

- В зависимости от того, что дают Академии...

- Это безусловно! Но все-таки лучше судить о ценности музея, когда в нем побываешь... Мы абсолютно не были готовы к тому, что начнется рынок и бизнес, и это все коснется палеонтологии. Это для нас было полной неожиданностью!

- И в чем это выразилось?

- В самых простых вещах... К примеру, в 1991-1992 годах у нас не было даже охранной сигнализации. Нам и в голову не приходило, что могут быть хищения!.. Но людей опустили в «рыночную среду», и сразу же расцвел бизнес в палеонтологии. Речь идет не только о нашем музее, но и о раскопках. Появилось немалое число «специалистов», которые стали вести раскопки даже в заповедниках. И все найденное выброшено на рынок...

- В таком случае поясните, что такое «палеонтологический бизнес»?

- Торговля палеонтологическими объектами. Во всем мире это нормальный бизнес. Приведу пример. Есть у нас фосфоритный карьер под Москвой. Ковш экскаватора загребает десятки тысяч мелких раковин. Их можно использовать для создания коллекций в школах, университетах, наконец, делать сувениры... В общем, весь материал можно условно разделить на три категории. Первая – недопустимо вывозить из страны объекты, представляющие исключительную научную ценность... Второе – объекты, которые можно вывозить. И, наконец, третье – спорные вещи... Бывают

случаи, когда даже наши специалисты не могут сказать, нужен тот или иной материал, представляет он особую ценность или нет? Объекты подобного рода необходимо оставлять в стране, к примеру, на год. Если они не будут востребованы, то их можно затем выпускать... Да и спокойно можно проанализировать такие материалы, определить их истинную ценность.

- Вы четко разделяете палеонтологов на две категории: исследователи и бизнесмены. Каково их соотношение сегодня?

- Один к ста.

- Один бизнесмен и сто ученых?

- Да.

- Спасибо. Вы немного меня успокоили. Теперь несколько слов о самых последних работах. Рассказывают, что вы уже работаете за «пределами здравого смысла» - именуются в виду сенсационные открытия в космосе. Так ли это?

- Вместе с американцами нам удалось обнаружить в метеоритах ископаемые бактерии и ископаемые грибы. А поскольку метеориты древнее Земли, то и жизнь, следовательно, имеет несколько иное происхождение, чем представляется...

- Все началось, по-моему, с «марсианских» метеоритов, найденных как жетон в Антарктиде? Но потом было объявлено, что это «блеф»...

- Это было в августе 1996 года. Серьезная научная публикация, отвергнуть ее просто так нельзя... У нас, кстати, была аналогичная статья, но ее долго не решались печатать, считая подобные выводы чистой фантастикой. Но это реальность! Когда мы увидели бактерии в фосфоритах, то поразились: они сохранились замечательно! Следовательно, они «каменели» очень быстро, то есть гнить не успевали... И тогда были проведены эксперименты в лаборатории академика Г.А. Заварзина вместе с микробиологами. Выяснилось, что для фосфоризации требовалось всего несколько часов. Сейчас мы находим бактерии почти во всех объектах, только нужно уметь видеть...

- И где же таится эта жизнь в космосе?

- Вероятно, на планетах, где есть лужи, болота, озера и так далее. Очевидно, планеты и псевдопланеты разрушались, а осколки их путешествовали по пространству до тех пор, пока не попали на Землю. Есть целая серия людей, которые считают, что Солнечная система регулярно пересекается со струйным потоком вещества во Вселенной. Возможно, здесь и происходит встреча с «живыми» метеоритами... Но это не моя область науки. Я подхожу к проблеме с точки зрения палеонтолога, и мне ясно, что такие ископаемые бактерии и грибы в метеоритах есть. Проведены уже сотни экспериментов, которые подтверждают это. Я делал доклад на президиуме РАН, он был встречен с необычайным интересом. Вместе с НАСА мы выпустили ряд публикаций и фотографий, и наш институт (а вместе с ним вся отечественная наука) вправе гордиться, что работаем наравне с таким авторитетным космическим агентством. На президиуме РАН было принято решение образовать специальную межинститутскую лабораторию по палеонтологическому исследованию космического вещества.

- И вы можете привести другие примеры?

- Конечно. Наши нефтяники, к примеру, должны понять, что палеонтологические исследования – самый дешевый способ определения возраста пород при поисковых работах. Если они будут пользоваться нашими данными, затраты снизятся на 20-30 процентов, а то и больше.

- Они обращаются к вам?

- Австралийские нефтяники, иранские – но не наши. К сожалению, у нас нефтяные и газовые компании «отсекли» стратегическую часть отрасли, то есть науку и поиск, занимаются только перекачиванием уже разведанных месторождений. А ведь стратегия приличной компании заключается в том, чтобы думать о перспективе. Хотя бы на 10-15 лет вперед... В свое время американцы подсчитали, что один доллар, затраченный на науку, приносит семь долларов дохода. Это выгоднейшее вложение средств! Однако у нас нет культуры применения науки, использования ее достижений. Поэтому слова «Выделить деньги на фундаментальную науку!», кроме раздражения, ничего не вызывают. Для человека, живущего только сегодняшним днем, фундаментальная наука – «красная тряпка».

- Вы можете дать принципиально новые рекомендации?

- Конечно. К примеру, мы доказали, что нефть можно искать среди очень древних пород. Раньше это считалось бессмысленным... Месторождения редких металлов могут образовываться с помощью бактерий. Разве это было известно?!

- То, что вы говорите, звучит фантастически!

- Вся наука фантастична, потому что открывает людям постоянно новое.

- Первая наша встреча и первая подробная беседа о новом направлении в палеонтологии состоялась пять лет назад – на рубеже веков. Еще пять лет назад идея о нахождении жизни в метеоритах была на уровне гипотезы, дерзкого предположения, почти фантастического. А сейчас?

- Сейчас гораздо больше доказательств, много исследователей начало работать в этой области.

- То есть фантастика стала реальностью?

- В науке все подвергается сомнению – в этом залог ее развития. Я не могу утверждать, что это открытие стало реальностью, истиной, но к этому оно приблизилось. Появился специальный журнал «Астробиология» - еще десять лет назад подобное просто было невозможно. А теперь наше направление – одно из главных в программе работ Академии. Так и записано: «Космическая биология». Иными словами – поиск жизни во Вселенной. Раньше на эту область науки были гонения, а теперь она признана в мире.

Владимир ГУБАРЕВ, публицист, лауреат Госпремии СССР